

ПОЛЯКОВ

Пятая жертва

Перебираю бумаги, читаю. Протокол осмотра трупа. «Осмотр начат...», «осмотр закончен...», дата, время, следовательно, «в присутствии понятых...», «при участии судебно-медицинского эксперта...». Один протокол, второй, третий, четвертый. Бумаги шуршат в моих пальцах, неразборчиво перешептываются, переспрашивают друг друга.

Протоколы вскрытия, тоже четыре штуки.

В кабинете темно, только настольная лампа высвечивает белые листы в моих руках. Стекло окна — черное зеркало, в котором я отражаюсь. Сгорбившаяся фигура, воплощение непонимания. Форточка открыта. Дует. Подмерзаю слегка. Шерсть на зашивке дыбом. Встать, закрыть. Неохота. Курю. Стряхиваю пепел в банку из-под шпрот. Погружаюсь во мрак. В холодную темноту чужого безумия.

Среди дел, доставшихся мне на новом месте от ушедшего на пенсию майора Горшкова, это самое глухое, самое страшное. «Дело Ганибала», как его у нас в следственном отделе окрестили. Четыре похожих убийства в течение года. Четыре женских трупа, растерзанных, изрезанных и искусанных, брошенных в каких-то запущенных заросших местах. Я еще плохо знаю город, только пара месяцев, как приехал сюда, как начал работать. Смотрел в «Гугле», где это все. Разные концы города. Разные женщины. Незнакомые друг с другом, не имеющие ни общих знакомых, ни... да вообще ничего общего между ними нет.

Первая жертва — незамужняя молодая женщина, тридцать пять лет, убита во Власьевой роще, правый берег реки, с одной стороны — гребная база, с другой — городской водозабор, не самое проходное место, но и не пустыня, здесь люди ходят. Она на этом водозаборе и работала. Лаборантка. Февраль прошлого года.

Вторая, пятидесятипятилетняя вдова — на другом берегу возле лодочной станции, жила там недалеко. Май.

Третья, почти девочка, всего семнадцать лет, школьница — возле шоссе, ведущего к известному монастырю. Отстала от экскурсии. Сентябрь.

Четвертая, шестидесятилетняя бывшая балерина, старуха уже, встретила смерть тоже на берегу реки, только в противоположном конце города. Пошла в магазин и зачем-то вышла на бережок.

Ноябрь. Прямо перед моим появлением в этом городе.

Характер ранений у всех одинаковый: изрезаны короткими лезвиями, множественные неглубокие, но болезненные порезы и, что самое интересное, укусы. Следов сексуального насилия нет.

Первой жертве убийца отрубил голову. Чем? Остальных забил, размозжил черепа, как написано в протоколах, тупым предметом. Орудие убийства на месте преступления не обнаружено. Унес с собой? Отпечатков пальцев нет, зато есть образцы ДНК. Только в базе ДНК-профилей они не зарегистрированы.

Передавая мне дело, Горшков не пытался скрыть радость от того, что избавился от него. Так и сказал:

— Ну все, Алексей Федорович, это теперь твое. А я постараюсь поскорее забыть весь этот кошмар. Поеду на дачу, наберу с собой фантастических романов, про попаданцев, например. А еще лучше про эльфов, драконов, оборотней и этих, как их... темных дев. Затоплю печь, откупорю шампанского бутылку и буду читать.

Что я ему мог ответить? Сказал:

— Счастливого пути.

А он мне с ухмылкой:

— Счастливо оставаться.

Оставаться с делом о серийном убийце.

Делов-то на копейку, вычислить и поймать Ганнибала, а уж за обвинением дело не станет. Вычислить и поймать...

Семь утра. Дождя вроде нет. Тоже мне зима. Февраль через неделю, на улице плюс пять, а снега ни грамма. Снег — это вообще фейк, его не существует.

Бегать собрался, уже кроссовки надел — звонок. Еще один труп... Адрес? Ясно... Отбегал я на сегодня. И еще кто-то отбегал навсегда. Пешком дойду, два квартала от моего дома.

Пересек двор. Вон наша машина стоит, ребята возле нее курят. Неподалеку стол деревянный с лавками, раньше за такими мужики козла забивали. Давно уж ни тех мужиков, ни манеры во дворе в домино играть нет, а столы эти по-прежнему ставят. Сила традиции. На лавке мужик сидит лет пятидесяти, сразу видно, опоек — рожа опухшая, помятая, свежий бланш на скуле. Мужик качается, обхватив башку руками, и воет. Утробно, хрипло, безнадежно. Рядом баба крутится, тоже, наверное, синюха, как и мужик, в трениках и тапках. Она его все обнять пытается, бормочет ему что-то, успокаивает, а он ее руки отталкивает и все воет и воет.

Я поздоровался с ребятами, спросил, кто это, мол, развылся тут, а Костя Семенов мне: «Это муж трупа». Острик недорезанный.

— Ты, Семенов, свои шутки гоблинские брось, еще бы «ушиб всей бабушки» вспомнил.

— Да уж, Федорыч, там действительно ушиб всей... Сходи посмотри, эксперт уже за-

Я ИДУ ИСКАТЬ

кончил. Это муж ее нашел, вот и воет. Я показания его записал. Там, правда, и писать-то особо нечего было, пришел-вошел-нашел. Только это... я не грязный гоблин, я гордый орк, запомни уже.

Пошел смотреть... Тело лежало в дворницкой. Хотя какие теперь дворницкие... Какие дворники, такие и дворницкие. Небольшой закуток без окна, метров шесть квадратных, железная дверь прямо из подворотни. Лопаты, метла, ведро с песком, пачки соли, чтобы лед посыпать. Еще барахло, не распознаваемое в тусклом, пыльном, каком-то больном свете. Лампочка гнойно-желтой каплей свисает с кривого черного провода, торчащего из низкого потолка. Продавленное кресло под вытертым драным покрывалом. Большая плоская перевернутая банка из-под селедки, давно таких не видал, а вокруг — россыпь старых вонючих хапцов.

И мертвая тетка. Тоже явно алкоголичка, на вид — к полтиннику. Толстая, морда опухшая, на ногах носки вязанные, шлепанцы резиновые свалились, спортивные «Адидас» с китайской барахолки, растерзанная безразмерная флиски несурозно-розового цвета. И все в кровище. На полу из-под тела огромное пятно натекло, лампочка отражается в черной луже, будто всплывает рубин, змеятся золотые сполохи по граням. Повсюду бурые пятна — на разорванных в клочья тряпках, на теле, торчащем наружу из прорех, на ее лице, на стенах, на лопате.

Я взял за черенок, за самый верхний его кончик, лопату, прислоненную к стене возле головы трупа. Обычная штыковая лопата, такой в огороде копают, канавы роют, что еще... червей для рыбалки можно. Эта лопата — и черенок, и сам штык — вся была в крови.

— Он ей голову лопатой отсек. Почти отсек, на кожном лоскуте держится. Еще живую ударил, поэтому крови столько вытекло.

Криминалист — я все не мог запомнить его фамилию, Ширяев, что ли, — поднялся из темного угла серым призраком. Я и не заметил его в пыльном мраке.

— И еще. — Он подошел ко мне. — Посмотрите на раны на ее лице и руках. Не на эти, не на резанные, с ними все просто. Какой-нибудь короткий нож, острый, что-то типа скальпеля. Даже нескольких скальпелей — по ходу, он по-македонски с двух рук ее резал. Посмотрите на раны вон те. Видите?

Он присел возле тела и ткнул пятерней в синей латексной перчатке прямо в лицо покойнице. Я наклонился. Это явно были следы зубов.

— Укусы? Собаку натравили?

— Нет, Алексей Федорович. — Вот он-то меня запомнил, даже имя-отчество, а я его нет, стыдоба. — Нет, не собаку. Я по форме укуса вам сразу скажу, это человек. Это он сам, убийца наш, ее покусал. Понимаете, к чему я?

Понимаю. Ганнибал, маньяк Горшкова, от которого он, можно сказать, скоропостижно сбе-

Я ИДУ ИСКАТЬ

жал на пенсию. Тот, на котором висели четыре трупа, четыре дела, объединенные в одно. Теперь пять.

Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать. Кто не спрятался — я не виноват.

Выхожу во двор. Подъехала труповозка. Санитары шли мне навстречу, тащили свои скорбные причиндалы — носилки и упаковочный пакет на молнии. Пришлось посторониться, ступив в лужу.

Подошел к своим. Ширяев, или как его там, попрощался, пожал руки Семенову и мне.

— Протокол осмотра у вас, Алексей? Все остальное завтра, завтра... Я поехал.

И сел в кабину труповозки.

— Ну что, Семенов, муж — первый подозреваемый?

— Не думаю. Ты протокол-то почитай. Там вокруг все затоптано, прямо по пятнам крови. Следы кроссовок сорок второго размера, а у этого... — Он махнул рукой в сторону мужика. — У этого сорок пятый, я проверил.

Сам знаю, что не этот спившийся бедолага уконтрапупил свою бабу. Если б он, значит, и остальные на нем, а на Ганнибала опоек не тянул. Куда ему. Но так или иначе, а поговорить с ним придется. Пошлепал по грязной размазне в сторону стола с лавками. Мужик уже не выл, а тихо скулил побитой собакой. Тетка сидела рядом с ним, обняв, прижимала его голову к своей груди.

Не успел подойти. Санитары вынесли тело во двор, потащили к труповозке. Мужик вскочил, с воплем кинулся к ним, тетка бросилась следом. Ребята остановили его, а он рыдал в голос и все рвался туда, к черному пластиковому мешку, который грузили в машину. Я остановил бегущую женщину. С этим не поговоришь, так хоть с ней. Представился. Глянул в протокол, составленный Семеновым, кем она приходится мужику — Яковлеву Сергею Николаевичу.

— Я его мать, — говорит.

Надо же, мать. А мне казалось, они ровесники. Еще раз глянул в протокол на год рождения этого Яковлева. Ему, значит, тридцать пять всего. А тянет на полтинник. Я пошелестел листами. Вот: Феоктистова Елена Васильевна, действительно мать, пятьдесят с хвостиком, адрес, образование высшее, место работы — прочерк.

Лучше всего разговаривать со свидетелями сразу, на месте, пока у них в мозгу держится свежее восприятие события, пока не наложились поверх картинки ложные воспоминания, собственные домыслы, чужие идеи. А то иной раз такого навспоминают. Начнешь анализировать, а это вообще из кино типа «Бригады».

— Елена Васильевна, я могу с вами поговорить?

— Нет, конечно, вы же видите — не до вас. Мы сами к вам придем завтра или послезавтра. Скажите, куда прийти.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Отмахнулась, даже не глядя на меня, вся обращена туда, где бьется в руках Семенова ее обезумевший сынок. Я ей визитку сунул, и она, кивнув, убежала к своему чаду. Шлепала тряпичными тапками по слякоти, не глядя под ноги, разбрызгивая ошметки грязи — спешила успокаивать, держать, спасать.

ЭЛЛА

В первый раз

Час ночи на дворе, а эта стерва орет, разоряется на весь двор. Из подъезда вывалилась, жаба жирная, и давай хрипеть-сипеть, и все матом. Сверху из форточки ей:

— Уймись, шалава!

Так она еще громче давай. Мерзкая тварь, злая, красным фонит, под красным — желтая подложка страсти. Сука похотливая, лает, потому что потрахаться не удалось. Ненавижу...

Тут окно на первом этаже открылось, мужик оттуда выставился, рожа пропитая. Я далеко стою, на тропинке за кустами, а и отсюда вижу — алкаш. Он тоже вопить принялся:

— Элка, дура, бля, куда поперлась?! Домой давай иди, стервозина!

И тоже мат через слово. Вернее, слово через пару матов. Во парочка — баран да ярочка. Нажраться, водкой залиться, подраться, потрахаться. Скоты.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Эта Элка ему в ответ от локтя отмахнула:

— Во тебе, домой!

Меня ненавистью, как кипятком из душа, с головы до ног ошпарило. Чувствую, в глазах розовый туман поплыл, адреналин в кровь ударил пушечным залпом, в затылке молоток застучал — перекидываюсь! Куда? Когда? До полнолуния больше недели еще! Сейчас вообще луны нет, безлуние абсолютное, небо как чернозем! Так не бывает!

Бывает, оказывается...

Когти вытягиваются, зубы. Шерсть на загривке вздыбилась. Запахи в нос хлынули. Мокрый сизый запах бесстыдной неприкрытой земли под лапами. Серый, смешанный, перевитый — подвальной холодной гнили и теплой кухонной сыти от домов, кислый лимонный дух похоти от этой бабы, стоящей в двух прыжках от меня.

Она пошкандыбала вдоль дома прочь от своего подъезда, мужик поорал ей вслед немного, потом крикнул:

— Ну и пошла на х..., прошмандовка, домой не пушу! — и окно захлопнул.

Бежать за ней, догнать, броситься, загрызть...

Она в подворотню свернула. Там дверь. Вытащила ключ из кармана, отпирает. Я уже рядом совсем, ноздри забиты ее кислой вонью так, что пришлось глотать воздух через пасть, иначе задохнусь. Она не чувствует меня — я сзади, в темноте.

Скрипнув, отъехала железная створка. Прыгаю ей на спину, вталкиваю в узкую захламлен-

ную клетку. Дверь захлопнулась. Ты в западне, сука, тебе не уйти. Она падает на пол, кричит. Никто тебя не услышит, тварь. Рву ее когтями, зубами, захлебываюсь ее кровью, бьющей мне в пасть. Соленой, свежей, чистой. Вкусной. Добраться до горла. Перегрызть. Она дернулась в последний раз, затихла. Только кровь толкается из перекушенной артерии. Последняя.

Все.

Перекидываюсь обратно. Открываю дверь. Ухожу.

Он называл ее Элкой, эту спившуюся похотливую сучку. Ее звали Элкой, Эллой. Это все и решило. Завопи тот пропойца из окна «Катька» или «Танька» — и она, возможно, осталась бы жива. Возможно. Я бы прошла мимо. Но Элла — мое имя. Только мое.

* * *

Я всегда была Эллой. Сколько себя помню. Правда, никто об этом не знал, даже мама. Они называли меня разными именами. Другими. Неправильными. Но я не спорила. Откликалась. Пусть. Я-то знаю, кто я.

Я — Элла. Я — оборотень.

Правда, перекидываться я начала не так уж давно. Сколько лет с первого раза прошло? Пожалуй, около пяти, я тогда строительный колледж заканчивала. Ага, колледж! Одно название. Как была путяга, так и осталась.

Я ИДУ ИСКАТЬ

Тогда тоже зима была. Вечер, часов девять, темно. Я после тренировки бегаю — «заминка» называется. Холодища тогда была, не то что нынешние сопли. На улице никого, пусто. Бегу, хрусть-хрусть, слежалый снег под ногами, нос морозом обжигает. По улице вдоль школы-интерната, а там решетка высокая и вдоль нее кусты. Сирень, наверное. У нас в городе кругом сирень.

Вдруг за кустами звуки какие-то, возня и что-то вроде мычания, страстного такого, но негромкого.

Я встала.

Верно говорят, любопытство кошку сгубило. Вот бежала б своей дорогой, может, ничего бы и не случилось. Но нет. Полезла через голый куст, а он густой, зараза. Пробую потихонечку, чтоб не услышали. Продралась, смотрю сквозь решетку. Здесь самый дальний угол, сюда снег с территории школы сгребали всю зиму. Кучи высоченные, укатанные, с них на санках съезжают. Тут как раз из-за крыш луна вылезла — круглая, пузатая, тяжелая. Снег осветлила. Между этими кучами, так, что не видно ниоткуда, разве что из куста, там, где я притаилась, мужик девку убивает. Я сразу поняла, что убивает. Она голая на снегу лежит, руки у нее связаны чем-то и рот забит или заклеен. Это она мычит, кричать не может. Мычит и извивается вся, спиной своей голой по снегу елозит. А он ее ножиком режет неспешно. Вот так ведет лезвием сверху вниз от груди по животу.

Кровь выступает и струйками стекает. И вся она уже в кровавых ручейках, и снег вокруг сочный, как гранат.

Мне сначала страшно стало. Очень. Я просто прилипла к месту, убежать не могу, глаза закрыть не могу, смотрю. Горячо мне становится, будто вливают в вены яд, он жжет меня повсюду, в каждой клеточке. Тело корежит. В голове набат — бум-бум в затылок, — и туман наплывает. Картинка сбоит, то далеко, кажется, то прямо перед носом — руку протяни, и вляпаешься в кровь. Я и протянула. Захотелось в кровь обмакнуть, горяча ли она. Гляжу, а это и не рука уже. Когти длинные, черные, острые. На четвереньки упала. Нет, на лапы. И в нос, только что отмороженный, бесчувственный, хлынули запахи. Много запахов. Оглушили грохотом. Я и не подозревала, что запахи имеют цвет, да еще и звучат. Раньше что? Ну, кофейком бочковым из буфета тянет, в столовке — рыба жареная, рассольник. Просто, обыденно. А тут все сразу по-другому стало.

Снег. Он сиреневым звуком пахнет. Тихим, бесконечным, таким: «А-аа, а-аа», — как музыкальная шкатулка игрушечная. От мужика того, убийцы, — бурной радостью, восторгом бьет. Чистым, синим, без примесей, громко, литаврами. А девка кислая — лимон, челюсть сводит. Я сразу поняла, так пахнет похоть. Она этого мужика хотела, завлекала, думала, он ее трахать будет, открывалась перед ним. А он ее... Ха-ха...

Я ИДУ ИСКАТЬ

Дура! Так тебе и надо. Мне захотелось прыгнуть на нее, разорвать это голое голодное тело, исходящее кровью и белой ледяной болью. Кусать его, грызть, почувствовать его вкус...

Стало весело.

Я ломанулась сквозь черные ветки обратно на дорогу, помчалась, вывесив язык. Мне было жарко, от шерсти валил пар, я это чувствовала. Меня гнала радость — буйная, животная.

Сколько времени я бежала, где, куда, не знаю. Как перекинулась обратно, не помню.

* * *

«Убийца всегда возвращается на место преступления...» Смешно.

Вот я и правда вернулась, шлепаю с утра через тот же двор, где вчера это... Ничего, что я почти каждый день тут хожу в контору свою? С улицы в арку между банком и книжным магазином — и по дорожке, меж луж лавируя, в глубине двора, чтоб срезать. Да и не я одна. Вон впереди пара теток трусит... Во встали. Жалом водят: «Чей-то? Полиция, че ли? Случилось че, а?» Козы любопытные. Случилось, случилось... Еще как случилось.

Вон полицаи шебаршатся. У машины покурить встали.

Вон еще один подошел. Здоровается, ручки жмет. Где я его видела? Высокий. Стройняшка, не раздавшийся в брюхе. Куртка моднявая, овчинная

Ю_ШУТОВА

кожа, тонкая, серая, не дешевый куртец. Повернись-ка, дай рожу глянуть... Повернулся. Точно видела. Вроде недавно совсем. Ничего такой. Лет тридцать пять—тридцать семь. Волосы давно не стриженные, лохматые, каштановые. Лицо жестковато. Ну, это понятно, мент — не кисейная барышня. Глаза зеленые... Хотя нет, глаз его я отсюда разобрать не могу, далеко. Но они должны быть зелеными. Холодными и яркими. Как ряска на болоте, под которой скрывается трясина.

Трясина... Держись подальше, Элла.

ПОЛЯКОВ

Живи один

— Ага, сорок второй размер — женская ножка! Прямо Золушка. Это у меня сорок второй. — Костя хохотнул, споласкивая стаканы.

Я вечером к Косте Семенову зашел. У нас квартиры в одном подъезде. Он один живет, и я один. Только у него своя, а у меня служебная. Казенный дом, так сказать. Пива взял, зашел.

Спросил его, проверил ли он размер ноги Феоктистовой. Если «мужа трупа» он из подозреваемых сразу исключил по причине слишком большой стопы, то что насчет свекрови? Может, это не Ганнибал. Может, это она метнулась за «красавицей-невесткой» и того, размазала ее по дворницкой. Дела семейные — всяко бывает. Тоже версия, пока других не нарыли.

— Ладно тебе, Костик, сейчас у девок знаешь какие лапы отрастают. Вот у моей...

Я осекся — все никак не могу привыкнуть, что не моя она больше. Ничья. А может, уже и чужая.

— У моей бывшей тоже сорок второй. А у меня сорок третий — так она постоянно мои кроссовки таскала. У нас и комплекция, в принципе, одинаковая, разве что в талии она поуже. И футболки мои, и джемперы надевала.

Семенов фыркнул:

— Ты, наверное, себе «Дольче и Габбани» покупал, а ей чего попроще, по остаточному принципу, вот она и паслась в твоём гардеробе. Я б не дал жене свои шмотки тырить.

— Дурак ты, Семенов. Жадный глупый гоблин. Она мои тряпки носила не потому, что они лучше, а потому, что они мои. Понятно?

— Понятно. Только я не жадный глупый гоблин, я жадный глупый орк. Вот!

Он ткнул пальцем в фотку в рамочке в виде киношной черно-белой хлопушки. На фотке — тоже черно-белой и поэтому смахивающей на кадр из старого фильма — орк. Оскаленная морда, черная шкура на плечах. Занес меч над стоящей на коленях женщиной. Руки ее связаны за спиной, платье в грязи, распущенные волосы закрывают лицо. Орк явно собирается рубить ей голову. Фотка очень четкая, резкая. Лучше всего читались веревка, стянувшая запястья жертвы, и занесенный над тонкой белой шеей меч.

Мой приятель Костя Семенов — орк Углук, ролевик, активный участник хишек, хоббитских игрищ.

А чего ему? Парнишка еще молодой, три года как в Питере отучился, в родной город вернулся, следователем в ОВД работать начал. Жены нет, детей нет. Самое время в такие игрушки играть. У них тут в городе клуб — «Эгладор» вроде. Там толкнутые собираются, толчки — в лес ездят, хишки свои устраивают. Я Костю спрашивал, почему орк, а не благородный эльф, к примеру, или там Арагорн какой-нибудь. Он говорит, такая квента. Биография, в смысле, лучше. Во-первых, подвижности больше. Чем проще персонаж у Профессора — у Толкина то есть — прописан, тем шире им двигать можно, придумывать свое. Если ты король, что ты можешь? Только на троне сидеть. А если ты мелкий бродяга или рядовой воин, ты любую квенту себе придумать можешь. А во-вторых, он, видите ли, злобный и мрачный тип. Ну, это он себе льстит. Хохмач и дамский угодник он, все девушки в ОВД от и до, включая кадровичку Марту Францевну, корпулентную даму в летах и погонах старлея, поголовно от него в восторге.

— Но вообще-то, Леха, эту дворничиху не совсем так, как остальных теток, грохнули. Разве что голова... Этот Ганнибал ваш ей голову, как Ире Поспеловой, оттяпал. Или не Ганнибал. Может, подражатель. Всех — в зарослях, условно говоря, в лесу возле реки, а эту — посреди города, в закрытом закутке. Всех — между шестью и девятью часами вечера, а эту — среди ночи. В общем, есть разница.

Ирина Пospelова — первая жертва в этом деле. Убита на развалинах часовни во Власьевой роще девятнадцатого февраля прошлого года. Укусы, многочисленные порезы, причина смерти — удар острым рубящим предметом по шее. Я протоколы по Ганнибалу почти наизусть выучил.

— Погоди-ка, Костик. На то дело ты не выезжал — не ваша епархия. Протокол осмотра подписывал... сейчас напрягусь... Голиков, что ли... Не важно. Но точно не ты. Откуда знаешь?

Семенов наклонился, потянул бутылку пива из сумки-холодильника, стоявшей на полу у нас под ногами. Мы сидели на диване перед телевизором, по которому крутился вечный боевик — беготня с автоматами, взрывы, вертолеты, перекошенные рожи героев... Звук был выключен.

— Да брось, Леха. Про Ирочку Пospelову вообще весь город знает. Спасибо Жорику Веснянскому — это корефан мой, одноклассничек, журналюга. Он на портале «Город ньюс» статью повесил. Было о чем писать. «Невиданная жестокость! Первое дело маньяка! Будут новые жертвы! Куда смотрит полиция? Мать убитой пыталась покончить с собой — выпила жидкость для прочистки труб. Откачали, теперь несчастная овощем в психушке в Топорках сидит. Я, Жорж Веснянский — он, ей-богу, Жоржем подписывается, — буду держать вас в курсе расследования». Короче, поспешил хайпануть на материальчике. Но это не я ему насвистел, чесслово. Ваше не из наших. Это